



## С. П. КАБЛУКОВ

### О В. В. Розанове (из дневника 1909 г.)

*18 февраля 1909 г.* Вчера в № 38 «Русского слова» напечатана прекрасная статья В. В. Р<озанова> «Анн<а> Павл<овна> Философова»<sup>1</sup>. Особенно хороша в ней характеристика моего доброго знакомого, Виктора Петровича Протейкинського<sup>2</sup>, человека замечательных душевных качеств и весьма самобытного, оригинального в лучшем смысле этого слова.

*22 февраля.* Сегодня днем я был у В. В. Розанова. Он отдал мне для печатания в т<ипографии> «Н<ового> вр<емени>» «Итальянские впечатления». Шрифт и бумагу я выберу по образцу «Любовь сильнее смерти» М<ережков>ского (изд. «Скорпиона»)<sup>3</sup>.

Кроме этого взял у него старинный (XVII в.) требник с выписками из «Чина испов<едания> иноков», чтобы сделать перевод для «Темных лучей»<sup>4</sup> на русский язык, статью «Родительство и церковь», не пропущенную в печать ред<акцией> «Н<ового> вр<емени>», и еще 2 статьи — «Афродита и Гермес» и «Судебное недоразумение в Берлине» — о книге Фореля «Половой вопрос» и о «Процессе Эйленбурга»<sup>5</sup>. Последние две предложим «Весам» и затем «Золотому руну».

Случайно зашел разговор о м<инистре> вн<утренних> д<ел> Столыпине: Розанов охарактеризовал его как добродушного, простого и неглупого русского дворянина, помещика, серьезного, с большой силой воли и совсем не жестокого. Я напомнил ему о «стольпинском галстуке». Вот ответ Розанова почти буквально. «Его брат, А. А. С<толыпин>н<sup>6</sup> говорил мне, что П. А. давно хотел отменить усиленные охраны, военно-полевые суды и казни, но Николай II не позволяет этого. Он мстит России за перенесенные унижения во время русско-японской войны и за октябрьские дни 1905 года. А Николай II, продолжал Розанов, есть мелкая, мстительная и низкая душонка, человек очень жестокий, хотя производит самое чарующее впечатление на всех,

кто с ним имеет дело. Подобного лицемерного и лживого государя не было в России со времен Александра I. Он совершенно не имеет ума государственного и в делах государственных есть как бы пустое место. С. Ю. Витте он ненавидит, а Витте его очень боится (признание С. Ю. Витте А. С. Суворину).

Конечно, Розанов хвалил очень А. С. Суворина и подарил мне текст адреса Суворину от сотрудников «Нового времени», Розановым написанный<sup>7</sup>. Р<озанов> утверждает, что Сув<ори>н (А. С.) много левее и порядочнее своей газеты и говорит, что у него имеются письма А. С. Суворина, в коих тот ругает некоторые статьи в газете «непечатными» словами. Будто только старость мешает ему отнестись к курсу газеты внимательно. К общественным недостаткам С<уворин>а Р<озано>в относит его взгляды на евреев и на университетский вопрос. Р<озано>в прямо говорит, несмотря на это, я люблю и уважаю Ал<ек>сея Сер<гееви>ча, ибо он из корысти не менял взглядов, тогда как А. А. Суворин<sup>8</sup> из отчаянного юдо-, финно-, украинно-, поляко-, и т. д. «фоба» вдруг превратился в «фила».

*3 марта.* Вчера вечером мною сданы в печать «Итальянские впечатления» В. В. Розанова. Бумага — «верже» желтоватая, шрифт и формат — как у книги Мережковского «Любовь сильнее смерти» изд. «Скорпиона».

*4 марта.* Письмо от Розанова:

Спасибо, дорогой Сергей Платонович! Ну, вот и двинулось вперед. А то все бы стояло. Варя в понедельник пыталась встать, — но слаба и во вторник опять лежит. Ваш В. Розанов.

*5 марта.* В статье Вас. Варварина (В. В. Розанова) в № 52 «Русского слова» (5 марта — «У гроба о. Иоанна Кронштадского») сказано: «...на всеобщей в самом конце ее поют... “свете тихий, святые славы”» и пр. Это очень хорошо! Очевидно, для В. В. вечерня и «всеобщая» одно и то же...

*7 марта.* На вчерашнем собрании у Вяч. Ив. Иванова<sup>9</sup> (см. л. 116 об) присутствовали: председательствовал Д. В. Философов, В. В. Розанов, С. А. Алексеев<sup>10</sup>, Вяч. Ив. Иванов и С. П. Каблуков. <...> После заседания присутствующие обменялись мнениями о В. В. Розанове как гениальном противнике христианства. <...> Как «куръез» упомяну здесь, что на собрании у Вяч. Ив. Иванова В. В. Розанов предложил меня в председатели секции, ссылаясь на мою энергию и осведомленность. Это предложение не могло быть принято прежде всего мною самим и потому было отменено.

*15 марта.* Сегодня же Варв<ара> Дм<итриевна> Розанова сообщает, что В<асилий> Вас<ильевич> желает напечатать «Ит<альянские> впеч<атления>» в количестве 1200 экземпляров.

*22 марта.* В «Новом времени» напечатано письмо В. В. Розанову еп. Вологодского Никона<sup>11</sup>, по поводу откр<ытого> письма Р<озано>ва Никону по вопросу о праздниках. Должен признаться, что в этом письме Никона очень много верного.

*26 марта.* Вчера вечером, около 7 ½ ч., был у меня В. В. Розанов, желавший видеть корректуру своей книги и принесший еще две статьи для нее, но не застал меня дома <...> Упомянутые статьи носят заглавия «Возможный “гегемон” Европы» и «Дрезденская Мадонна»<sup>12</sup>. Вторая вполне уместна в «Итальянских впечатлениях», а первую, по-моему, печатать в этой книге совсем не место. Это я и написал Розанову в письме от 26 марта, вместе с объяснением причин моего отсутствия из дома 25-го вечером.

*30 марта — Светлая Седмица.* <...> В «Нов<ом> вр<еме-ни>» Розанов в неподписанной передовице говорит о тайне «умершего и воскресшего Бога» — статья плохая. Он же в «Русском слове» дал куда более интересную статью «Между скорбью и радостью», где говорит об утопичности самой мысли о возможности белого христианства, осью «которого была бы не Голгофа, а Вифлеем и чудо радости дарующего Воскресения».

*1 апреля.* Сегодня я был у Вас<илия> Вас<ильевича> Розанова и взял у него для чтения статьи: 1) «Отчего падает христианство» — доклад, прочитанный весной 1907 г. в СПб Р<елигиозно>-ф<илософском> об<щест>ве; 2) «Позлащенные кумиры» («Русское слово», 1907 г.); 3) «Нечто о “переживаниях” и переживших» («Русское слово», 1906 г.); 4) «Первые шаги церковной реформы» (не напечатано). Эти статьи весьма интересны. Затем взяты мною и статьи «Дрезд<енская> Мадонна», «Религия Кальвина», «Капище Молоха», «По католической Германии» и «Возможный “гегемон” Европы» для печатания в виде прибавления к «Итальянским впечатлениям»<sup>13</sup>. В. В. был нездоров, почему я избегал разговоров на «субъективные темы» (из боязни утомить его).

*12 апреля.* Сегодня я получил письмо от художника Льва Самойловича Бакста, приглашающего меня завтра для переговоров об обложке «Итальянских впечатлений». Одобряя выбранную мною виллетку, он советует набрать слова «В. Розанов. Итальянские

впечатления» шрифтом 30-х годов, обещая даже нарисовать заглавие в случае, если такого шрифта нет в типографии Суворина.

13 апреля. Сегодня я был у Л. С. Бакста, обещавшего завтра прислать рисунок обложки для «Итальянских впечатлений».

16 апреля. Вчерашнее заседание Христианской секции<sup>14</sup>, собравшее чуть не более 50-ти человек, прошло очень интересно. <...> Д. С. Мережковский правильно сказал, что Розанов лукавит и хочет разрушить дело христианства в России. Это было на сегодняшнем собрании: при этих словах Вас. Вас. Розанов хитро улыбался.

24 апреля. Сегодня вечером я получил сброшюрованную в оригинальной обложке книгу В. В. Розанова «Итальянские впечатления», которая поступит на днях в продажу в книжный магазин Ив. Ив. Митюрникова<sup>15</sup> по цене 1 р. 50 к. (так назначено мною ввиду того, что печатание 2400 экз. книги обошлось около 900 рублей) с уступкой Митюрникова<sup>15</sup> по 35 %.

12 мая. Вчера вечером, вернувшись от Д. Вл. Знаменского, я нашел у себя на столе присланный Розановым экземпляр «Итальянских впечатлений» с такою странною надписью: «Преданному и самоотверженному оруженосцу — но не Санчо Панса — Сергею Платоновичу Каблукову “рыцарь печального образа” В. Розанов».

Ок. 7 июня. Письмо В. В. Розанова. Деревня Лепенене, дача Хайкен, № 4<sup>16</sup>.

Сергей Платонович! Ведь нам надо повидаться. Не заедете ли в воскресенье часов в 10 утра? Или — часов в 6 вечера? Буду чрезвычайно рад. Деревня Лепенене, дача Хайкен, № 4. От Вас извозчик 30–40 к., берите «попутного», возвращающегося на Черную Речку или в Лепенене. Ваш В. Розанов.

Михаил Александрович дал «carte blanche» \*, — с оплатой из выручки и к концу 2-го года — остаток. Издавать можно, что хотим. И об этом поговорим. Меня манит «Книга афоризмов». А что же «Легенда»?...???

Прписка сверху: Если в воскресенье нельзя, приезжайте когда хотите — к 5 час. дня. Всегда — Ваш.

16 июня. В воскресенье [14 июня 1909 г. — В. Ф.] был я у Вас. Вас. Розанова, живущего в Тюрисево, в 11-ти верстах от меня. Он очень мило и трогательно забавен в своей неприспособлен-

\* карт бланш, полная свобода действий (франц.)

ности к «хозяйству» жизни. Рассеян безмерно, ибо постоянно углублен умом и мыслию в занимающие его вопросы, действительно значительные и интересные, но зато он подлинно глубокомыслен в высшем и лучшем значении этого слова. Рассеянность эта проявилась на днях в таком случае: поехал он в П<ете>р<бур>г на ночь, а с утра следующего дня занялся посещением знатных дам, побывал у сестры А. В. Карташева, где познакомился еще с двумя девицами, и зашел к Марии Адамовне Тернавцевой<sup>17</sup>. После «трудового» дня приходит в редакцию, где и встречают его вопросом: «В. В.! Почему это вы сегодня без галстука?» Это его и смутило, рассказывая мне этот случай, он сказал, что женщины очень коварны и что М. А. Т<ернавцева> должна была сказать ему, что он позабыл надеть галстук, и дать галстук мужа. Но она промолчала, хотя, конечно, заметила.

Иной раз ему случается попадать в поезда, не доходящие до Териок... Оставаясь в Петербурге, он почти голодает, питаюсь яйцами, так как не может есть в ресторане, — противно и невкусно. В поездах и трамваях делает попытки заговорить с попутчиками, но тщетно, ибо его замечания встречаются холодным молчанием глупых (о, да!) пассажиров. Но все это ничего не значит по сравнению со следующим — *не-анекдотом*: он написал и едва не напечатал в «Н<овом> вр<емени>» трогательный и сочувственный некролог живого человека. Дело в том, что недавно скончалась в Луге мать Вл. Сол<овье>ва — Поликсена Владимир<овна> Соловьева, имеющая дочь того же имени, по отчеству Сергеевну, незамужнюю и известную в литературном мире поэтессу, пишущую под псевд<онимом> «Allegro»<sup>18</sup>. Р<озано>в, узнав от жены Репина, что умерла Поликсена Соловьева, и не разузнав точно, какая именно, написал прекрасный некролог Соловьевой-Allegro и сдал в печать. При чтении корректуры в редакции обратили внимание, что некролог говорит о П<оликсене> С<ергеевне> С<оловьевой>, тогда как обычное извещение гласило о смерти П<оликсены> В<ладимировны> С<оловьевой>. Недоумение выяснилось и статье не дали хода. Но В. В. мало смущен этим и хочет даже послать текст некролога мнимоумершей поэтессе, которая, я думаю, прочла бы его не без удовольствия. Один оттиск он подарил мне и таковой найдется у меня среди других статей Розанова.

Он ничего не читает, ибо думает, что знает все, что может дать и сказать наша цивилизация. Обещал М. Гершензону отзыв о книге Вольтского «Ф. М. Достоевский»<sup>19</sup> и не хочет ее читать, жена Репина (Нордштрём Р.(?))<sup>20</sup> посвятила ему свою книгу «Крест материнства», из нее он прочел лишь первые 50 страниц, и то после того, как автор спрашивал отзыв.

Теперь он занят мыслями об издательстве своих статей, конечно, при моей помощи. Мы решили выкупить «Темные лучи», допечатать их, это — во 1). Затем издадим «Книгу афоризмов»<sup>21</sup> и «Корни русского сектантства»<sup>22</sup> — сборник статей о русских сектах. Для «Весов» он пишет статью о Гоголе<sup>23</sup>, для чего ему понадобился «Στρώματα» Кирилла Ал<ександрийского><sup>24</sup>, а напечатанную статью «Афродита и Гермес» («Весы», май с. г.) хочет послать ректору Петерб<ургской> академии еп. Феофану<sup>25</sup>, ибо там упоминает о значении тетраграммы имени Божия, а Феофан — специалист этого вопроса.

Мы много беседовали о Гр<игории> Петрове<sup>26</sup>. Наконец и Вас. Вас. пришел к выводу, что сей мученик — сущий пустозвон, самый обыкновенный либеральный поп, не чувствующий и не понимающий вовсе ни мистики, ни «метафизики» христианства и годный, да и то «с грехом пополам», быть дамским проповедником «разбавленного» христианства в 60 %. «Его и сравнивать с Михаилом<sup>27</sup> нельзя» — сказал В. В. и отметил безмерное славолубие Петрова и муки его от сознания падающей популярности.

Еще В. В. жаловался на притеснения редакции «Н<ового> вр<емени>», требующей от него коротеньких статей, вроде тех, как пишет Вл. Азов<sup>28</sup> и др., разбивающей даваемые им большие статьи и не позволяющей писать фельетон. Это угнетает Вас. Вас. и утомляет его и раздражает нервы

26 июня. 23-го июня, вернувшись из Петербурга, куда я выезжал для получения жалования в Р<еальном> у<чилище>, я был у Вас. Вас. Розанова, где и ночевал с 23 на 24 июня. Темой нашего разговора были «Елевсинские таинства». Р<озано>в думает, что на этих мистериях предавались содомии, лесбосской любви, кровосмешению и др. половым «аномалиям». Интересно также его объяснение нектара и амвросии греческих мифов как половых выделений мужских и женских «genitalia». Сравн. «спермин» пр. Пеля, жидкость Броун-Секара — как «элексиры молодости». Красоту монашества он видит в духовной содомии, крайне редко принимающей формы мужеложества. Указывает на «Федр» и «Пир» Платона как на идеологию содомии. Среди его знакомых он знает один случай кровосмешения (отца и дочери) из высшего петерб<ургского> об<щест>ва, несколько случаев садизма и содомии (последнее у Чайковского, Леонтьева и ? [жив, почему Р<озано>в не хочет говорить фамилии]). Вл. Серг. Соловьева он также связывает с некоторыми половыми аномалиями на основании одного письма.

Его статья о Гоголе, первая половина которой уже отправлена в «Весы»<sup>29</sup>, имеет в виду «Страшную месть», темой которой является также кровосмешение.

7 июля. Письмо от В. В. Розанова. Получено 7-го июля. С. Кабулов.

Дорогой Сергей Платонович! Я на даче *только* понедельник, вторник, иногда среду, затем суббота и воскресенье. *Это* воскресенье буду дома. Отдают в «Темн<ых> рел<игиозных> луч<ах>» за 1000: подсказал Карбасников<sup>30</sup>, а Спешнев<sup>31</sup> готов был отдать дешево. Я ответа не дал. Колеблюсь, как поступить.

А вот что надо издать к сентябрю:

«Русская церковь»

Дух. Судьба. Очарование. Ничтожество.  
Главный вопрос.

Это — для немецкого сборника; нашел у себя оригинал страниц на 50, брошюра, пойдет.

Ваш любящ<ий> и благодарный  
В. Розанов

12 июля. В «Нов<ом> вр<емени>» помещена сегодня статья В. В. Розанова «Схоластическое законодательство». В ней много верного, но много и курьезного. Напр<имер>, утверждается, что пс<алом> 50-ый, «написанный после соблазнения Д<авидом> чужой жены», «...вообще не может быть почувствован и понят ранее 46 лет». «Даже объяснить ребенку 50-го пс<алма> или вечерних молитв — невозможно, ибо объясняющий будет краснеть и сбиваться, стараясь в объяснении скрыть главное, через что молитвы и псалмы становятся понятными». Вообще говоря, скажу я, это неверно. В числе утренних и вечерних молитв не все имеют предметом своим освобождение от сладострастных искушений плоти и к числу таких именно принадлежит известная молитва «Ангел Христов», которую Р<озано>в напрасно относит к числу «неудобопонимаемых». Но все, что говорит он о преподавании литургии, догматики, истории соборов и ересей, а также высокомерии и отчужденности, о сухости и формализме «законоучителей», есть сущая правда.

13 июля. Вчера я был у В. В. Розанова, передавшего мне материал по сектанству, «афоризмы» и «после арифметики». Среди последних оказалось 3 экземпляра полной редакции его рефера-

та «О церковной юрисдикции или о Христе — судии мира»<sup>32</sup> — без цензурных пропусков. Один ех. я взял для себя. Затем он передал еще письмо к нему З. Н. Г<иппиус> (см. л. 312) и статьи свои «На лекции о Достоевском» (Н. вр. 4. 7. 09 г.) и «В русском мире» («Русское слово» 11 июля 09 г.), а также письмо к нему о Вл. Соловьеве за подписью «Старый публицист». Последнее письмо и статью просил вернуть. Беседа наша была посвящена вопросу о будущих изданиях: решено выкупить «Лучи» за 1000 руб., закончить их печатание у Суворина и печатать немедленно брошюру «Русская церковь», а также «Афоризмы». После конкурса по делам Пирожкова г-н Спешнев сообщил Розанову, что его книги идут недурно, лучше всего продается «Ослабнувший фетиш», затем «Легенда о Великом Инквизиторе», которой осталось 7400 ех. (из 10 т. напечатанных Пир<ожковы>м вместо условленных 5000) и «Около церковных стен». От «Литер<атурных> очерков» и «Сумерк<ов> просв<ещения>» осталось по 50 ех. «Природа и история» и «Религия и культура» имеют в 100 ех. каждого названия.

Характерно и то, что мерзавец Карбасников, подсказавший Спешневу запросить с Р<озанов>а 1000 р. за «Лучи», предложил Розанову продать издание ему, К<арбаснико>ву. У В. В. хватило догадки не согласиться. Ибо горе авторам, которые попадают в лапы этому рыжему прохвосту. «Объегорил, так что мое почтение». Мы обойдемся и без Карбасникова... Новые издания начнем с августа.

Письмо З. Н. Гиппиус к В.В. Розанову

Помещаемое между лл. 311 и 312 письмо З. Н. Гиппиус к В. В. Розанову (из Парижа, 6 марта 08 г.), переданное мне В. В., чрезвычайно интересно содержащейся в нем оценкой адресата, а также оригинальным стилем, и шутливым, и серьезным одновременно. Интересны такие слова З. Н. о себе — в конце письма. Подп.: С. Каблуков

Paris 16

6 марта 08.

Вася-Васек! А уж мы-то как письму радовались, кое-что *Sivirac'y*<sup>33</sup> читали. Он сам вам статью о вас пошлет — ежели уже не послал. Мы страх как вашу славу здесь распространяем. Дм. Серг. лекцию читал на французском языке в «Ecole des hautes études» \*, очень было пышно, так всем там не забывал твердить, что вот, мол, есть писатель — ну и писатель! Тоже приедет, мол,

\* Высшая школа (франц.).

лекцию читать, дикции только французской подучится. Если б не беда, что вас так переводить трудно, мы бы вас в здешние журналы впихнули, не для гонорара (французишки подлецы), а для вящей славы. Севераку, как пришлет статью, — напишите несколько слов: он от счастья одуреет. Просто, по-русски, он отлично понимает.

Адрес его:

Monsieur Sévérac

1, Place Carnet

Château Thierry

(Aisnes).

Он — профессор, не в Париже живет, а под Парижем.

«Варварина» нам добрые люди достали. И о Тарееве<sup>34</sup> потом. Дм. Влад. уже об Варварине в «Столичн<ой> почте» писал (по четвергам он пишет).

Вы, Вася, человек добрый, я это знаю, однако вы тоже и Васька-Каин. Думаю, на том свете вас в конце-концов простят, но сначала здорово сечь будут. И не то, чтоб насильно, а сами будете просить: ох, дери меня, как сидорову козу, дери, пока я спокойствия душевного не получу, потому что не могу вынести, что я глупый, о такой простой вещи не догадался, человеческое с Божьим перепутал и концы в воду спрятал! — От стыда за свою недогадку, да за то, что так *скучно* прожили, с старыми жидами, всю жизнь — и будете молить, чтобы хоть посекали. Ну, а потом, думаю, все обойдется. Встретимся там — поговорим.

Напишите вы нам обстоятельно, что за реферат читал Савонарола Свенцицкий<sup>35</sup>? Неужели правда затвор рекомендовал? Признаюсь! Да это все равно, что непрерывно кричать о том, что необходимо молчание! Иди в затвор сам первый — и молчи. Не попала ли вам его книжка недавняя — «Антихрист»<sup>36</sup>? Сделайте исключение, прочитайте ее: ручаюсь, что не раскаетесь! Это «исповедь», автобиография. Увидите, как интересно.

А теперь все мы вас наперерыв целуем и к сердцу прижимаем. Жаль, что с Татой-Натой<sup>37</sup> разругались. Они девочки для вас полезные. Правда, «девчонки» в них нет... Я об этом вздыхаю. Мне, вот, скоро 50 лет будет, а во мне до сих пор, если не девчонка, то мальчишка есть во всяком случае... «Ну, «прости-прощай, моя красавица»... до свидания. И ежели вы нам писульку не пришлете скоро, так мы вашу славу распространять прекратим. Так и знайте.

Ваша Зин. Г.

20 июля. Вчера вместе с Р<озановым> я был у Ильи Ефимовича Репина, на даче гражданской жены его Н. Б. Нордман в

Куоккала, называемой «Пенаты». Г-жа Нордман устраивает по воскресеньям «чаепития с народом», о котором смотри письмо ко мне Розанова, помещенное на л. 321:

Дорогой Сергей Платонович! Мы опять позваны на это воскресенье к Репину в Куоккала, в 3 ч. дня, — на оригинальную их затею — «чаепитие с народом по 1 коп. за угощение», — «со своими стаканами». Едем в первый раз, берем с собой, — по их приглашению, — кухарку Пашу. Но в письме приписано: «Милости просим и всякого, кто бы с вами ни приехал», — а как я знаю, что вы любопытствующий о вещах мира человек, да и повидаться с Вами хочется, то не разделите ли Вы с нами компанию? И мы на их «чаепитие» едем в 1-й раз. В таком случае не приедете ли в Куоккала к 3 час., — а я думаю приблизительно и ранее? Или не встретитесь ли с нами, когда мы будем проезжать через Териоки? Или не хотите ли к нам приехать в воскресенье с утра? Выберите удобную для себя комбинацию, — уведомьте, которую, дабы мы «глазели в окна вагона» или стояли на площадке, что, впрочем, будем делать и без письма Вашего, в надежде увидеть черные кудри и готовый закричать рот. Жму руку.

Ваш В. Розанов.  
Дача Хайкен ср<еда>.

Это чаепитие происходит в их саду, в беседке, где теперь поставлен 9-ти ведерный «самовар», по словам Н. Б., неизвестно кем им присланный. Перед беседкой на лужке положили огромный флаг с вышитой по белому фону красным надписью «Кооператут». Этот флаг на двух огромных шестах, довольно тяжелых, тащил Вас. Вас. и его горничная Саша до места назначения. Предлагали и мне эту честь, но я уклонился.

В беседке сапожник давал урок кройки и шитья сапог. Когда кончились его объяснения, поспел самовар и принялись за чаепитие, а по окончании чаепития устроились танцы на небольшой площадке рядом с беседкою. Танцевал «народ» модные танцы под гармошку. Танцы эти были на время прерваны пением сапожника и некоторых мужчин под аккомпанемент балалайки. Пели песни, подобные «частушкам», жалкие по музыке и мелодии, но интересные по содержанию, которым являлось сатирическое изложение событий последних лет, как-то: японской войны, забастовки 9 января 1905 г., манифеста о свободе и пр.

В этих песнях зло и остроумно достается всем — Витте, Дурново, Алексееву, Стесселю<sup>38</sup> и прочим героям петербургским и портартуровским до «высокого человека небольшого роста».

«... Положили апельсин  
У Дворцова моста,  
Где высокий господин  
Небольшого роста»

Доставалось и И. Кронштадтскому. Песня о Порт-Артуре весьма интересна, и я жалел, что не взял с собою карандаша, дабы записать некоторые куплеты.

Во время чаепития я разговорился с самим Репиным об Иисусе Христе в живописи по поводу снимка с картины В. Поленова «Христос перед Пилатом». Фигуру Христа я считаю крайне неудачной и, сказав это Репину, я прибавил, что, по моему мнению, Христос вообще не изобразим в живописи и я предпочитаю условное письмо иконографии. На это Репин ответил, что с мнением о «неизобразимости» Христа он почти согласен, ибо по собственному опыту знает, как трудно написать что-нибудь отвечающее требованиям этой темы. Он убедился в этом, когда написал икону Иисуса Христа по просьбе «Петровского об<щест>ва». Переделывал картину много раз и все неудачно. Так и отдал икону, сам будучи неудовлетворен ею. А хотел изобразить лик «Нерукотворного Спаса». Христа на упомянутой мною картине Поленова не считает удачным, но Пилат ему кажется вышедшим хорошо. Наилучшими живописными изображениями Иисуса Христа он считает картину Иванова «Явление Христа народу», картину Крамского в Третьяковской галерее, образ Спасителя в час<овне> Петра В<еликого> на Выб<оргской> стор<оне>, который он считает великолепной картиной подлинного византийского духа, и «Святое семейство» Рафаэля в Эрмитаже. Последнюю картину он считает лучшим произведением Рафаэля после «С<икстинской> Мадонны» и находит, что в ней знаменитому художнику удалось выразить божественность, «сверхчеловечность» младенца Христа, лик и взор коего особенно отличны от земного лица Иосифа Обручника и полуземного лика Мадонны. Много слабее этих картин известный «Христос» Ге и «Христос с динарием» Тициана, написавшим вместо «Бога и человека» Христа «великолепного римского патриция». По дороге на станцию я передал этот разговор Вас<илию> Вас<ильевичу> и сказал, что считаю лик Христа неизобразимым. «Вот я и говорил и писал то же» — живо сказал «Вася-Васек». Я прибавил: «И это потому, что

И<исус> Х<ристос> — Бог». Но такое утверждение не приемлемо для Розанова. После беседы Репин предложил мне осмотреть его мастерскую <...> Перед отъездом он в течение часа нарисовал акварельный портрет Вас<илия> Вас<ильевича>. По моему мнению, вышел не подлинный Розанов, лик которого зело не красен, а идеализированный дружественною рукою мастера<sup>39</sup>. Сам Р<озано>в думает то же, но Репин не согласен с этими суждениями.

Мы уехали от него в 7 ч. 25 м. на поезде 7 ч. 50 м. На вокзале в Куоккала Розанов вдруг стал прощаться со мною и поцеловал, к немалому моему изумлению, ибо до Териок нам ехать было вместе. Ехали и туда и обратно в 2-м классе. По дороге я выразил Розанову свое мнение о Репине, очень высокое, а о г-же Нордман весьма ей нелестное. Последняя, кроме больших претензий да нелепого идеализма с оттенком слащавой слезливости, ничего не имеет. Мозг у нее птичий и видно, что о многом в жизни она даже не думала. Несомненно, это существо весьма поверхностное. Восхищается речами «кадетов» в 3-й Думе, поездкой Родичева и Милюкова в Англию, считает Андреева чуть ли не гениальным писателем, признавая значительным «Красный смех» и отрицая наилучшую его вещь «Рассказ о семи повешенных». Но довольно об этом ничтожестве. И при том она более чем некрасива, так что я удивляюсь Репину.

В заключение еще два слова о сапожнике-певце. Это несомненно человек замечательный, выдающийся в своей среде. А интересные песни его, насмешливые и почти не грустные, несомненно рождены фабрикой, отхожими промыслами и в нашей местности, а не великорусской деревней, ибо они не музыкальны и, кроме того, пересыпаны вставками фраз из стихотворений (напр<имер>, из «Бесов» Пушкина). Некоторые куплеты их, очевидно, «рискованны», и по слову Р<озано>ва, «духовная цензура» мешала ему петь все без пропусков. Духовная цензура = внутр<еннему> чувств<у> такта, меры, приличия.

25 июля. 23 в Петербурге я виделся с Н. М. Максиным, Д. А. Черкесовым и Д. Вл. Знаменским<sup>40</sup>. Последний передал мне переписанное им во времена своего пребывания в Костроме и Галиче окончание статьи В. В. Розанова «Люди 3-го пола», которая заканчивает его книгу «В темных религиозных лучах». Сам В. В., приехавши в Петербург накануне, тоже навестил меня, принес свою статью «Русская церковь» для печатания. Посмотрев на меня и Максина, присутствовавшего в это время, он сказал:

— Ну до чего вы оба различны! Совсем разные типы, разные организации!

И пояснил, что, по его мнению, бывают люди линейные, круглые и квадратные. Меня он отнес к линейным, М<акси>на — к круглым. Но мой вопрос о признаках, характерных для этих трех категорий, сказал, что круглым свойственна неподвижность, спокойствие и благодушие, линейным же стремительность: «Они — стрела». «Квадратности» отвечают грубость и угловатость («углы»). Себя назвал «линейно-круглым», т. е. типом неустойчивым, и указал на свою непоследовательность во взглядах. На мои вопросы о Мережковском, Зин<аиде> Ник<олаевне>, Тат<ьяне> Николаевне и Нат<алье> Ник<олаевне> Гиппиус, назвал первого линейным, «Тату и Нату» — круглыми (после некоторого раздумья), а З<инаиду> Ник<олаевну> — зигзагообразной, «как молния». «Она — новая». Я заговорил о союзниках Ржавского в Курске, лично известного Максину. Р<жав>ский обвиняется в изнасиловании и убийстве 9-ти летней девочки. Я высказал мысль, что деторастление есть один из видов psychopath<ia> sexual<is> \* и не подлежит суду. Розанов не согласился и указал на магометан, где бывают случаи замужества 9-ти и 8-ми летних девочек. Напр<имер>, любимая жена Магомета (Айша?) была взята им 8–9 лет. Правда, южанки ранее других достигают половой зрелости. Еще говорил В. В. о значении обрезания для полосочетания. Мысли его по этому вопросу точно формулированы им на последних страницах последнего издания «В мире неясного и нерешенного».

6 августа. Вчера отправлено мною письмо Зин<аиде> Николаевне в Гамбург (Bad-Homburg) с «гнусным» фельетоном В. В. Розанова: «Сентиментализм и притворство как двигатели революций» (Н. вр. 17.VII.09 г.)<sup>41</sup>.

Письмо Зин. Ник. из Villerville sur mer (Calvados): 11 авг. нов. ст.:

<...> статью Розан<ова> не читали, ибо «Нов<ое> вр<емя>» не видим. Если будете такой добрый, пришлите.

Сегодня в «Н<овом> вр<емени>» фельетон Розанова об «Истории одной жизни» Мопассана. Статья умная.

10 августа. Письмо от В. В. Розанова.

Получено 10/VIII 11 1/2 ч. в.

---

\* Сексуальная психопатия (лат.)

Дорогой Сергей Платонович!

Извините, что не отвечал Вам: был все время в СПб., переезжал и ремонтировался, — известно, белила, усталость. Но *во вторник* непременно жду Вас и Варв<ара> Дм<итриевна> Звенигородская, д. 18, кв. 23 чай пить в 7 час. вечером. Хочется с Вами между прочим поехать в среду к Репину, и тогда всего лучше вместе с нами из СПб., часам к 4–5 дня. Вы им очень понравились.

Ваш благодарный В. Розанов.

13 августа. Вечером 3-го дня я был у Вас. Вас. Розанова, уже переехавшего на новую квартиру (по Звенигородск<ой> ул., д. № 18, кв. 23, угл<овой> дом к Никол<аевской> ул.). Оказалось, что он намерен продать свою кабинетную мебель, дубовую, крытую кожей, стоившую новой 250 руб., всего за 150 р. Осмотрев ее и найдя подходящей, я сказал, что могу купить ее для себя. Варв<ара> Дм<итриевна> сказала на это, что мне Вас. Вас. уступает за сто рублей. Так и решили. Сговорились, что 12 авг. она пришлет мебель мне на квартиру, и деньги я уплачу после 16-го авг. Вчера, действительно, привезли мебель, еще утром, и одновременно пришло письмо Варв<ары> Дм<итриевны>, которое я помещаю на л. 374 этой книги<sup>42</sup>. Из него следует, что присланная мебель дана мне «на прокат», бесплатно, пока не станет лишней, в последнем случае я должен вернуть ее детям Вас. Вас. Записываю это здесь как характеристику подлинной доброты В. В. и его жены, женщины необразованной (см. орфогр<афи>ю письма), но незаурядной и очень доброй. Сегодня отправлю ей благодарственное письмо с указанием, что покоряюсь ее желанию, хотя и предпочел бы купить ее себе в собственность.

А Вас. Вас. подарил мне 2 эк. «Семейного вопроса в России» (СПб. 1903. 2 т. ц. 4 р. 50 к. — сто эк. этой книги отдано комиссию Ив. Ив. М<итюрникову> за полцены), 2 эк. «Легенды о Вел<иком> Инквизиторе» (3-е изд., отдано Митюрникову 43 эк. с уступкой 40 %) и свое лучшее сочинение «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки, как цельного знания», М., 1886, ц. 5 р. На последней книге он сделал надпись:

«Сергею Платоновичу Каблукову — математику-мистика — тоже, кажется, мистик, — В. Розанов. Больше всего в Вас мне понравилось, когда Вы отказались ехать в интересное морское путешествие из страха, что в случае смерти над Вами не были бы вычитаны и пропеты все церковные песнопения и чтения, положенные по Уставу Церкви. Это единственное в своем роде!»

А когда я заговорил с ним по поводу «Семейного вопроса» о друге своем Ник. Моис. Максине, разведшемся с женою через неделю после «венца» из-за разномыслия и своего нежелания немедленно начать половую жизнь с нею и о его тяжелой жизни студентом, отданным в солдаты, о революционном его прошлом, о жизни в Курске и Полтаве, прапорщиком и пр., Вас. Вас. сказал, что Максин ему очень понравился, и что он хочет подарить ему ех. «Семейного вопроса». На первом томе этого ех. он написал: «Николаю Моисеевичу Максину, на память о единственной беседе с ним. В. Розанов. — Прослушал от Сергея Платоновича “оперу” Вашей жизни». Книжки эти вчера доставлены Николаю Моис<еевичу>, очень обрадовавшемуся неожиданным подаркам (По одному ех-ру «Легенды» и «Семейного в<опроса>» я подарил Дм. Вл. Знаменскому). В этом свидание с Вас. Вас. я много укорял его за «Сентиментализм и притворство» («Н. вр.», 17.7.09 г.). Он говорил, отвечая на укоры мои, что написал только то, что думает, и думать иначе не может. А укоров за это он слышал множество, и от личных знакомых, и от читателей. Один из последних (г. Виктор Штемберг. Почт. отд. Иваново Тульск. губ.) прислал ему даже длинное письмо на 28 полулистах с подробным разбором и опровержением его статьи. Это письмо очень основательное, и умное, В. В. передал мне. Он намерен отвечать г-ну Штембергу, письмом же. Отзыв Гиппиус об этой статье В. В. см. дальше.

*14 августа.* Текст письма З. Н. Мережковской из Гомб<урга> от 7-го авг. ст. ст.

Allemagne. 7 авг. 09:

С удовольствием прочла Ваше письмо, без всякого удовольствия статью Розанова [«Сентиментализм и притворство...» — С. К-в]. Хотя не столь она «мерзкая», сколько плутоватая и бесчеловечная, плюс бесполезная. Трудно думать, что кого-нибудь она убедит. Меньшиков пишет ловчее. Экий, добрый человек, Вас. Вас.! (он всегда себя так называет). Его возмущает «злость» человека, убивающего себя перед виселицей, да еще не желающего в этом покаяться! Фу ты, какая доброта! Даже страшно от этой святости!

Я слишком близко видела святость обратную (и слишком недавно), чтобы серьезно взглянуть на старческий, жульнический «радотаж» \* Розанова. Пусть себе, коли стыдочку нет, особенно в «Н. вр.» <...>

\* от франц. radotage — вздор, вздорная болтовня.

16 августа. Письмо В. В. Розанова. Получено 16 авг. 09 г.

Дорогой Серг<ей> Плат<онович>!

Дружба — один из лучших цветков в жизни. И если Вы дали мне с Варей «найти в мире этот цветок» в виде Вашего милого к нам отношения, то нам хочется, чтобы и Вы испытывали это удовольствие нашей к Вам дружбы. Письмо Вари не имело того смысла, какой Вы ему придали. Мебель совершенно Ваша, и Вы что хотите, — то и можете с нею делать. Только ради любви ко мне она выразила надежды, что Вы ею *сами* будете пользоваться, а при счастливом устроении Вашей судьбы, — и Ваши дети и т. д., но вообще не третьи лица. Т<ак> что это мебель только «заповедная», не продаваемая, но абсолютная Ваша собственность.

Ваш В. Розанов

19 августа. Сегодня я был у Ил<ьи> Еф<имовича> Репина в Куоккале. Приехал первым, затем прибыл Вас. Вас. Розанов, две неизвестные «вертихвостки», из коих одна утверждала, что через Куоккала поезда проходят очень часто, «каждый раз», так что даже В<арвара> Дм<итриевна> ее поправила, а другая по поводу слов И<льи> Ефимовича о Христе, что, по преданию, Его не видели улыбающимся, сказала, что Он был на браке в Кане, значит (!) любил веселье и смеялся. Это «значит» осталось без возражений. Кроме этих двух дур был почти столь же глупый, крайне пошлый и самодовольный, плешивый уродец Уманов-Каплуновский<sup>43</sup>, бездарный виршеплет, любящий себя поэтом. Его я отбрил, сказав, что 1) не всякий пишущий стихи есть поэт и 2) что *теперь* только и найдутся поэты, что Брюсов, Гиппиус, Иванов Вяч. и Ф. Сологуб. Первое построение, вполне очевидное, вызвало его удивление и недоуменные вопросы одной из «вертихвосток». Ей я не дал ответа, помня, что не надо «метать бисер». Пошляк Каплуновский опять явился со своим альбомом автографов, куда заставил вписать изречения и В. В. Розанова и приехавшего после всех Ильи Яковл<евича> Гинцбурга<sup>44</sup>, проф. Ак<адемии> Х<удожеств> по классу ваяния. Последний оказался исключительно талантливым «имитатором» <...>

Мне остается упомянуть, что сегодня я позировал не И<лье> Е<фимовичу>, писавшему портрет Розанова, а его сыну Юрию<sup>45</sup>, очень милому художнику, понравившемуся мне своей молчаливостью. Да еще запишу для памяти, что И<лья> Е<фимович> вновь много раз говорил, что я изумительно похож на Вл. Соловьева и лицом, и тембром голоса (*даже*).

Это интересное письмо ко мне передано мне Розановым у И<льи> Е<фимовича> с предисловием к «Р<усской> ц<еркви>» и с афоризмом о «терроре» 19 авг. 1909 г.:

Дор<огой> С<ергей> П<латонович>! Я писал Михаилу Семеновичу Фарбману<sup>46</sup>, заведующему издательством «Пантеон», о желании срисовать у них буквы, — и тогда он мне ответил готовностью «стилизовать вообще всю обложку», «со своим рисовальщиком», «сделать цинкографию». Я думаю, с ним надо будет Вам повидаться: он ежедневно бывает в «Пантеоне» (Итальянская, 15). Есть телефон 289—13. Условьтесь о часе свидания. Кроме того, Митюрников предложил мне «комбинацию с “Темными лучами”», сказав, что я не сумею ее исполнить. Я предложил в письме *ему* ее «исполнить». Но в чем она и какая — о подробностях и документальной стороне («доверенность от меня на ведение дела») тоже поговорили бы Вы с ним.

Зиночкино отношение меня не трогает. «И стыдочку нету». Ах, озорница, бояться всякой мыши под полом, домового на чердаке, а туда же «делают лицо» революционеров. Все это одна порода с Волынским и Минским, хоть и ссорятся. «Милые бранятся»... и проч. «От своей породы никуда не уйдешь». Казнь свою они несут в своей породе. Защиту террора я понимаю как в том письме, которое Вам передал, — да еще в 2-х у меня. А эти иностранцы что понимают в русских делах, в русской душе? Чуть кончили дела, и сейчас в поезд и за границу. Дня лишнего подышать в России не могут. Я космополит, и *включаю* Россию в мою любовь, а их «космополитизм» все *исключает*, кроме личного здоровья, кошелек с деньгами и литературного успеха. Из пекла они вышли в пекло возвратятся несчастные.

Вы очень многого не знаете, напр<имер>, того, что Д<митрий> С<ергеевич> испрашивал через генерала Паренсова<sup>47</sup> аудиенцию (sic) у Вел. Кн. Николая Михайловича или Николаевича, — и «явиться ли ему в фраке или как». Тот ответил — «В сюртуке просто». Это в *нынешнем* году было, когда он уже «терроризировал». Приспичивало его к Вел. Кн. желание спросить: «Нет ли у него документов о Павле I». Но, я думаю, это можно было спросить и в письме, и лишь узнав, что документы есть, — пойти. Но нужно было «показаться своей персоной». Добчинские! «Зовут Дмитрий Сергеевич, хожу без очков. Лицо печальное». Мне очень грустно все это писать. Их я люблю все-таки, а эти строки раздражают душу, и отравляют. К чему это? Не нужно. Страшно вредно. Но меня возмутили слова Зинки о «плуто-

ватости». Перед кем же это «плутоватость»? Перед Сувориным, который в деревне, который *ни разу* за 10 лет не навел на меня ни одной мысли, — за что люблю старика, и люблю всех их, *добрейших и свободнейших* Сувориных. Ибо иметь такую газету и ни разу никого из сотрудников не «инспирировать» — конечно, есть свобода. До этой свободы далеко Мережковским. И какой лакейский жаргон: «стыдочку бы». Забыли, как рассказывали в «Нов<ом> пути» о завтраке у Ярославского губернатора Штюмера<sup>48</sup>. Но Бог с ними. Всегда я ненавидел эти «потроха» литературы, — и вот возмутительные ее строки заставили меня пошевелить их. Знаете, нужна в литературе гигиена, и лучше всего не *узнавать* подлых в ней вещей, слов, чувствищ, или моментально забывать о них. Нужен сон, нужна хоть иллюзия. Вы страшно молоды и еще не опытни и не дохнули еще «задним двором» литературы. А он страшно воняет. Дорогой мой, будем дружить, будем говорить о лучшем. А гадкое просто выбросим *из поля зрения*. Жизнь так коротка и не хватает ее на лучшее.

Ваш любящий Розанов.

20 августа. Вчера получено ответное письмо Зинаиды Николаевны Мережковской: Allemagne. 17 авг. 09 г.

<...> С Розановым каши не сваришь. Разве он кого-нибудь слушает, кого-нибудь слышит? Вот человек, не понимающий «личность»!

---

Вчера днем я был у Мих. Сем. Фарбмана в «Пантеоне». Предупрежденный Розановым, он принял меня исключительно любезно, живо смастерил проект обложки для «Русской Церкви» Вас<асилия> Вас<ильевича> — будет такая же, как на монографии Мережковского о Лермонтове<sup>49</sup>, а затем разговорился о своих планах по издательству. Будет издано: томов 8 Мопассана, несколько томов Флобера в перев<оде> Зайцева, несколько монографий по искусству. Книга «Иорам» Борхарда с рис. Ал. Элиасберга, очень хорошим пред<исловием> В. Розанова, книга о Ветхозаветной поэзии с извлечениями из Иова и пророков и переиздание «Песни Песней»<sup>50</sup>. По поводу последней и Ветхозав<етной> поэзии я советовал ему обратиться к еп. Антонину и дал его адрес. На прощание он дал мне текст книги «Иорам» — 2-ю корр<ектуру>. Вернувшись, я прочел ее скоро, т. к. там всего 48 стр. крупной печати. Любопытно.

22 августа 1909 г. Вчера вечером я был у Дм. Вл. Знаменско-го. Говорили о Розанове. «Он бесстыден, как Адам до и после грехопадения», — метко сказал собеседник мой.

24 августа. Отправлено письмо В. В. Розанову с опровержением его письма (см. л. 388 об.) и с обличениями неправд его. Кроме того, высказал мое мнение и о И. Я. Гинцбурге, пошлом и самодовольном «альбомнике» Уманове-Каплуновском и двух вертихвостках, уже упомянутых в этой книге...

24 августа. Сегодня вечером я был у Вяч. Иванова. Дал ему для прочтения книги В. Розанова «В темных религиозных лучах». По поводу утверждения Розанова о невозможности физического девства перенесшей роды Девы Марии, Вяч. Иванов указал на мнение мистиков средних веков, допускавших, что в акте рождения «печать девства» преломилась, но в тот момент, когда полнота Христа присвоилась человеку Иисусу в акте крещения от Иоанна, Пречистая мать его вновь стала вполне Девой, и она развивалась в этом направлении, как бы молодея параллельно развитию Богочеловеческого естества в Христе Иисусе, какое развитие завершилось в акте крещения. <...>

15 сентября. В. В. Розанов при последнем со мною свидании рассказывал, что на днях к нему в ред<акцию> г<азеты> «Н<о-вое> вр<емя>» приезжал какой-то старообрядец, который, бывая несколько раз в этот день в ред<акции> и не заставая В<асилия> В<асильевича>, наконец достиг своей цели и спросил его, «верует ли во Христа еп. Михаил»? Роз<анов> ответил вопрошателю, обняв его: «Будьте спокойны, на одном собрании много лет назад Михаил сказал, что он готов от всего отказаться, только не от Христа». Вопрошатель уехал удовлетворенный. — Но до чего наивен он, задавая такой вопрос В<асилию> В<асильевичу>, который сам-то антихрист, иногда даже кощунствующий, например, называл Св. Духа «Духом-Удавителем».

6 октября Сегодня узнал, что на вышедшую сегодня в свет книгу В. В. Розанова «Русская церковь» (стр. 39, СПб. 1909, тип. А. С. Суворина, ц. 40 к.) Главное Упр<авление> по делам печати наложило арест<sup>51</sup>. Всего напечатано 3600 экз. В<асилий> В<асильевич> чрезвычайно расстроен, тем более, что и для него и для меня арест является вполне неожиданным. Только по догадке могу думать, какие именно места книги послужили поводом для ее конфискации. Из прилагаемого здесь экземпляра предисловия к ней (см. на л. 465) видно, что частью статья эта уже была напечатана в России («Пол<ярная> зв<езда>» Струве, 3 фев-

р<аля> 1906 г.). Во-первых, нецензурным могли признать рассуждения о девстве Богородицы (см. л. 466 об.), несомненно, неуместное в дешевой брошюре, ибо — это великая тайна, постигаемая мистически лишь «кому дано». Во-вторых, подчеркнутые мною фразы из последней части статьи, появляющейся впервые...

*10 октября.* Сегодня получил от В. В. Розанова 3 экземпляра «Русской церкви». На одном сделана им надпись: «С. П. Каблукову. Ваш вкус, Сергей Платонович, и мое вдохновение родили эту желтую — ныне, увы, арестованную книжицу. В. Розанов».

Из этих 3-х эк. один будет подарен мною другу моему Д. Вл. Знаменскому, которому завтра я посылаю извещение об этом вместе с окончанием «Бледного коня» Д. С. Мережковского<sup>52</sup> и статьей того же автора, имеющей появиться завтра<sup>53</sup>.

*12 октября.* З. Н. Мережковская, прочитав книгу В. Розанова «Русская церковь», сказала мне сегодня, что эта книга заслуживает ареста: «Какую ужасную книгу написал Розанов». Осуждает она и статью В<асилия> В<асильевича> в «Весах» «Магическая страница у Гоголя» (в которой В<асилий> В<асильевич> не на шутку защищает и даже нахваливает кровосмешение — «Весы», август 09 г.). Действительно, статья эта довольно беззастенчива по смыслу и нескромна по тону и по языку.

*28 октября.* Вчера В. В. Розанов, говоря со мною по телефону, откровенно сказал:

— Вы все еретики, один я православный.

— Вы-то? Да вы — Антихрист!

— Вы все сухи и холодны, а у меня в душе — молитва. (Sic?!).

Я сказал ему, что арх. Антоний Волынский<sup>54</sup> думает, что она-низм лучше совокупления. Последовал ответ В<асилия> В<асильевича>: — Вашего Антония надо отгаскать за длинные волосы.

*3 ноября.* Письмо В. В. Розанова

Получено 3/Х 09 г. Подп.: С. П. Каблуков

Сердит как ваш математик на стене. Или как 2 Везувия рядом. Это черт знает что!! 1½ недели киснем на желтой обложке. Прямо — сами желтые, мы желтого дома. Вы были летом орел, а теперь — мокрая курица. Даже без хвоста. Или воробей по осени!!

Вы совсем втюрились в вашу Зиночку («рыбак рыбака видит издалека») и забыли Богданова, меня, Митюрникова, все забыли!!

Я думаю, «Когда начальство ушло» — надо как стихи Бородаевского изд<ания> «Оры»<sup>55</sup>. — Решите моментально. Так как Вы раскисли, а я напротив «в подъеме», то я думаю, — Вам надо прислать только 2-ую корректуру: а мне — первую, установил бы текст (очевидно, многое надо будет выбросить). Вы же посмотрите как *читатель* и скажете: интересно ли, нужно ли?

Ваш В. Розанов.

15 ноября. Сегодня утром от 11–12 час. имел длинный разговор с Розановым по поводу ст<атьи> М<ережков>ского «Земля во рту»<sup>56</sup> (см. л. 499 об.). Разговор, конечно, по телефону. Тема: пошлость русского чиновничества в верхних слоях его. Как образцы этой пошлости Т. И. Филиппов<sup>57</sup>, бравший взятки «и яйцом и курицей, и чем угодно», «Афонька» (Афанасий Вас<ильевич>) Васильев<sup>58</sup>, генерал-контролер, ходящий в поддевке из подражания Ал<ексею> Степ<ановичу> Хомякову. Поведение «Афоньки» у подчиненного своего Ник<олая> Петр<овича> Аксакова<sup>59</sup>, к которому придя на именины 6-го дек<абря> в присутствии Розанова, «Афонька» разлегся на диване и положил ноги на стол (буквально!). А когда пришло время обедать, увел Н. П. Аксакова к себе, не пригласив жены его, хотя и были именины мужа. Последний пошел. Вот предел хамства и лакейства! Несравнимость Победоносцева с прочими лицами его круга. Грустность, огорченность Побед<оносце>ва от современного ему состояния России. Разговор Поб<едоносце>ва с Н. Н. Страховым у зубного врача при случайной встрече о Л. Толстом. Замечание П<обедоносце>ва «всяк человек ложь есть» — по мнению В<асилия> В<асильевича>, имеет смысл некоторого осуждения: «Все мы хороши! Что уж тут!». Порицание В<асилием> В<асильевичем> деятельности Вл. Соловьева: полная искусственность, неискренность и ломание, кривлянье как в литературе, так и в обращении с людьми. Победоносцев понял это в Соловьеве, почему и сказал, что всякая его деятельность вредна (цит<ата> из письма Вл. С<оловье>ва). Одновременно, благородство П<обедоносце>ва, не преследовавшего С<оловье>ва. Между тем, низшие чиновники — благородные, часто образованные, порядочные люди. «Я думаю, — говорит В. В., — что чиновники до статского советника — люди как люди, а выше — одна пошлость, мерзость, гадость, гнусность, тупое самодовольство, самомнение, грубость, лакейство, хамство и потеря всякого «лица» человеческого». <...>

31 декабря. В последний день 1909 г. упомяну здесь о некоторых событиях моей внешней жизни:

*Март.* Избран действит<ельным> членом Р<елигиозно>-Ф<илософского> Об<щест>ва и секретарем новоучрежд<енной> Христианской Секции. Знакомство с Мережковскими и А. В. Карташевым. Ранее этого — дружба с В. В. Розановым (с конца 1908 г.). <...>

*Июнь.* Переезд в Териоки. <...> Частые свидания с Розановым. <...>

*Декабрь.* Охлаждение ко мне В. В. Розанова.

